

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЖИЛИЩНОЙ ДЕПРИВАЦИИ: ОЦЕНКА ВНУТРИ- И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Казакова А. Ю.

Казакова Анна Юрьевна,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 248023,
Россия, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26.
Эл. почта: kazakova.a.u@yandex.ru

Тема жилищной депривации в современной отечественной социологии почти полностью отсутствует, а попытки типологизировать депривационные условия пока единичны. В данной статье мы пытаемся выделить те формы жилищных условий, которые делают объективно невозможным удовлетворение потребности в жилье безотносительно к их оценке населением. На основании данных переписи 2010 г. по регионам РФ и по муниципальным образованиям внутри регионов мы выделяем объем нескольких эмпирических типов депривационных жилищных ситуаций, которые позволяют довольно четко обозначить социальный состав тех лиц, которые испытывают наиболее острую и настоятельную нужду в жилье, чьи связанные с жильем потребности по разным (не только экономическим) причинам длительно подавляются. К ним отнесены: явная и латентная бездомность; проживание в институциональном жилье в составе коллективного домохозяйства; сосуществование частных домохозяйств в условиях коммунальной квартиры и общежития; жизнь в ветхих, аварийных домах и домах — объектах культурного наследия; «добровольная депривация», возникающая в условиях полукочевого образа жизни «на два дома»; групповая депривация целых поселений ввиду их деградации, депопуляции и стигматизации; наконец дефицит площади и, наоборот, избыток площади. Мы не только оцениваем размер сегментов жилищно депривированного населения Калужской области, каждый из которых по отдельности в составе всего населения занимает настолько маленькую долю, что обычно они выпадают из поля зрения исследователей, как некие «частности», «выбросы», «погрешности», которыми можно пренебречь без всякого нарушения репрезентативности общей картины. На материале Калужской области мы оцениваем также структурное соотношение этих сегментов с точки зрения внутри- и межрегионального варьирования, что позволяет обозначить степень жилищно-обусловленной социальной напряженности в регионе.

Ключевые слова: депривация, потребности, жилищная депривация, типы депривационных ситуаций, масштабы жилищной депривации.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калужской области, проект № 16-13-40002 а(р) «Типы жилищной депривации населения Калужской области: уровни, источники, последствия»

К проблеме типологизации нужды в жилье

В контексте исследований депривации вопрос о том, какие социальные группы, слои и категории населения подвержены ей в наибольшей степени, рассматривается постоянно, поскольку иногда само выделение того или иного вида депривации имплицитно («по умолчанию») включает ту или иную категорию людей. Например, если в названии или ключевых словах научной статьи мы встречаем словосочетание «сенсорная депривация», значит, с высокой долей вероятности речь пойдет об инвалидах, детях-инвалидах, детях-«отказниках» или о представителях некоторых экстремальных профессий (спелеологи, подводники, геологи, вахтовики в районах Крайнего Севера); словосочетание «материнская депривация» почти со 100%-й вероятностью предполагает обсуждение проблем сиротства или отчужденных детско-родительских отношений в семье. Реже встречаются попытки выявить на примере отдельной социальной категории, испытывающей множественную депривацию, тот ее компонент, который можно считать ключевым, пусковым механизмом, приводящим к социальному бедствию, как делает, например, Е. А. Коваленко в статье «Воронка бездомности и ограничение потенциальных возможностей» (Коваленко, 2010) или И. Ю. Суркова в статье «Социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны: юбилейная забота или помощь каждый день» (Суркова, 2011). Несмотря на повсеместное признание важности проблемы неудовлетворенности населения жилищными условиями, примеров типологизации самих компонентов этих условий в научной литературе почти не обнаруживается. Случаи, когда автор выясняет, как ранжируются формы острой, настоящей и неудовлетворенной потребности в жилье и (или) можно ли поставить в соответствие данным формам некий тип социальных субъектов, испытывающих устойчивую жилищную депривацию, вообще единичны. К числу таких исключений относится, например, монография О. Э. Бессоновой «Жилье: рынок и раздача», где прослеживается социально-историческая логика формирования рыночной и «раздаточной» жилищных систем (Бессонова, 1993). Поскольку эта логика оказалась нарушенной в результате резкого ухода государства от участия в решении жилищных проблем населения, жилищная сфера быстро приходит в упадок, что показано в чрезвычайно интересной монографии, посвященной жилищным классам г. Сыктывкара (Кротов, Буравой, Лыткина, 2003).

Но ближе всего задачам нашей работы небольшая статья О. Н. Бобковой «Факторы, определяющие дифференцированный подход к проектированию доступного жилья в России» (Бобкова, 2016), поскольку в ней рассматриваются не факторы неудовлетворенности населения жилищными условиями (как результата объективно-субъективной оценки их состояния), а формы жилищных условий, которые, по сути, делают объективно невозможным удовлетворение потребности в жилье. Статья представляет итоги статистического анализа жилищных условий населения РФ в целом, которые должны быть, на наш взгляд,

содержательно дополнены, а также конкретизированы и развернуты применительно к реалиям отдельных регионов страны.

Мы рассматриваем жилищную депривацию как автономный комплексный объективный и объективно-субъективный феномен. Он включает первичный уровень — абсолютное измерение (наличие и качество жилья, позволяющие в определенной мере удовлетворять базовые потребности), относительное измерение (вторичный уровень — мера подавления иных потребностей, вызванного именно характеристиками жилищной ситуации) и их психологическую проекцию (состояние острой неудовлетворенности жилищными условиями как рациональная сторона, страх, стыд, тревожность, неуверенность, пессимизм, отчужденность как сторона иррациональная). Как макросоциальный процесс депривация означает формирование в обществе комплекса социально-экономических, социально-правовых, социокультурных условий, действующих как барьеры в доступе личностей и социальных групп к жилью и иным благам, опосредованным наличием жилья определенного типа и качества. Как микросоциальный процесс депривация складывается из неудовлетворенной потребности в жилье и (или) других благах и возможностях, удовлетворение которых нормативно связано с жильем как социальным институтом (депривационная ситуация) — объективных последствий для человека на организменном и личностном уровне (депривационный эффект) — осмысления и переживания ситуации и ее последствий (депривационный синдром) — доступных способов преодоления барьеров/компенсации неудовлетворенных потребностей (разрешение депривационной ситуации/адаптация к ней/накопление деприваций и маргинализация личности). Жилищная депривация по-разному выглядит (наполнена различным содержанием) для городского и сельского населения; не ограничивается ни люмпенизированными, ни низкодоходными слоями населения; может иметь как экономические, так и внеэкономические источники возникновения.

В данной работе мы оцениваем эвристичность построенной нами теоретической модели жилищной депривации с точки зрения типологии жилищных условий, которые регистрируются официальными формами статистического учета или могут быть выведены из других официальных источников статистических данных. В итоге мы выделяем несколько эмпирических типов депривационных жилищных ситуаций, что позволяет оценить масштабы внутри- и межобластного варьирования численности жилищно-депривированного населения Калужской области (а при желании — и любого другого субъекта РФ, для которого имеются аналогичные сведения). Мы рассчитываем их величину на основании данных переписи 2010 г. по регионам РФ и по муниципальным образованиям внутри регионов, а также с учетом предыдущей (2002 г.) переписи, что характеризует и динамику рассмотренных явлений. В связи с этим из массива мы исключили Республику Крым из-за невозможности полноценного сопоставления с другими территориями. Кроме того, по отдельным по-

казателям в базе отсутствуют данные республик Ингушетия, Мордовия, Тыва, Саратовской и Магаданской областей. Общее количество валидных единиц наблюдения в составленном нами массиве составило 1850. Сведения для расчета территориального распределения тех или иных типов депривационных ситуаций получены из тома 9 результатов переписи 2010 — Жилищные условия населения, публикационная таблица 1 — Население по типам занимаемых жилых помещений по субъектам Российской Федерации на официальном сайте Всероссийской переписи населения (Жилищные условия). Для характеристики масштабов и остроты депривационной ситуации социально-территориальных сообществ разных уровней структурной сложности (муниципальные образования, регионы, федеральные округа) мы оперируем небольшим количеством показателей, учитывая абсолютные значения и средние (арифметическое и медиану).

Эмпирические типы депривационных ситуаций

Явную (официально учтенную) бездомность можно рассматривать как предельный случай депривации всех видов, включая жилищную. Согласно данным переписи, худшее положение с бездомностью в стране сложилось в Уральском федеральном округе по численности бездомных в целом и городских бездомных. По численности бездомного сельского населения выделяются Южный федеральный округ и Приволжский федеральный округ. Калужская область попадает в кластер относительно благополучных регионов, поскольку рассчитанное нами значение доли бездомных в численности населения (в промилле, т.е. на 1000 жителей) лежит и ниже среднего арифметического для страны в целом, и до медианы. Кроме того, по сравнению с переписью 2002 г. это значение уменьшилось почти в четыре раза, что связано с рядом удачных управленческих решений (начиная с открытия в 2005 г. специализированного социально-реабилитационного центра, которыми до сих пор располагают далеко не все регионы). Вместе с тем, поскольку бездомность является еще и четким индикатором жилищной депривации других слоев общества, следует обратить внимание на источники бездомности в отдельных районах области (в первую очередь социально-правовые, связанные с криминальными рисками и правовыми полномочиями банков, ЖКХ, ФССП и т.д.), прежде всего Малоярославецком, Козельском и Ферзиковском.

Кроме явной бездомности, необходимо учитывать и *бездомность латентную*, т.е. ситуацию длительного (свыше полугода, в соответствии с принятой Росстат методикой учета) проживания в коллективных средствах размещения — гостиницах, хостелах, лагерях, санаториях, кемпингах, туристических базах, домах отдыха и пансионатах и пр.; проживания в объектах, не относящихся к жилому фонду, — гаражах, садовых домиках, времянках, мобильных контейнерах и пр., проживание в институциональном жилье как единственном. Сюда

же примыкает жилье «ведомственное», предоставляемое на период работы, а также проживание непосредственно на рабочих местах, в оборудованных и не оборудованных для этого помещениях типа подсобок, дворницких, лифтерских, караульных помещений, диспетчерских, комнат отдыха для персонала на предприятиях и пр. (в тех случаях, когда за пределами предоставленного работодателем жилого или нежилого помещения у резидента нет права владеть или пользоваться иной жилой недвижимостью). С учетом **латентной бездомности** Калужская область переходит в зону повышенной угрозы сразу по трем показателям. Доля проживающих в средствах коллективного размещения ниже среднего для РФ значения, но выше медианы; в составе коллективных домохозяйств (институциональное жилье) не меньше половины контингента составляют лица без определенного места жительства и ранее судимые граждане; наконец, эта группа по сравнению с 2002 г. приросла на 14%, причем именно за счет взрослого населения (численность детей-сирот в интернатных учреждениях, напротив, за межпереписной период сократилась на 24,4%). Боровский, Дзержинский, Жуковский, Медынский районы, а также Обнинск и Калуга — места, где переписи 2002 и 2010 г. отразили проживание в гостинице как основном месте жительства. Проживание на дачах, в садовых домиках наиболее заметно в Боровском, Дзержинском, Жуковском, Козельском, Медынском, Перемышльском районах.

Контингент **институционального жилья** (интернаты, детские дома, дома престарелых, пансионаты и для несовершеннолетних, и для пожилых граждан, тюрьмы, монастыри) испытывает множественную депривацию: экономическую, семейную, социальную, правовую. Обитателями институционального жилья являются прежде всего группы с особой чувствительностью и к краудингу (Aiello, Jones, 1971), и к одиночеству (Покровский, 1989): несовершеннолетние и престарелые. Калужская область попадает в кластер умеренно благополучных регионов по данному показателю, но настораживает прирост коллективных домохозяйств. Кроме того, очевидно неблагоприятные перспективы открываются в связи с тем, что при отдельном анализе распределения институционального детства в стране Калужская область оказывается в числе кластеров с высокой напряженностью. По количеству детских интернатных учреждений, а также детских интернатных учреждений в городах за 2014 г. область оказалась в кластере регионов со значениями ниже среднего, но выше медианы, по значению интернатов в селах и по общей численности воспитанников детских интернатных учреждений — в кластере выраженного неблагополучия (значение выше и арифметического, и медианного среднего). При этом в будущем можно ожидать снижения качества человеческих ресурсов и в медико-демографическом, и в социальном отношении: в 2015 г. область имела значения выше и среднего, и медианы по количеству воспитанников как интернатов для детей с нарушениями в развитии, так и для детей-сирот. Наибольшие доли в населении района живущие в институциональных учреждениях (всех возрастов) имеют в Кировском, Козельском, Боровском, Жуковском, Перемышльском, Медынском и Тарусском районах.

Коммунальный характер жилища означает особый микроклимат ввиду нарушения неприкосновенности личного пространства, сужения его границ, возможности его контролировать, краудинга и (или) физической тесноты. Это отмечено в работах Е. Герасимовой (Герасимова, 2017), И. Утехина (Утехин, 2004). Интенсивность негативных переживаний и состояний не различается у собственников подобного жилья и тех, кто занимает его по договору социального найма, что позволяет объединить их в один тип. Калужская область попадает в кластер неблагополучных регионов, где доля в населении тех, кто проживает в условиях коммунальных квартир, и общежитий, превышает и уровень среднего арифметического, и медианного значения для РФ. Значительные доли населения, живущего в коммунальных квартирах многоквартирных домов и общежитиях, характерны для Бабынинского, Боровского, Жуковского, Малоярославецкого, Сухиничского, Тарусского районов, Калуги и Обнинска (максимум в Обнинске), а также города Кирова и Кировского района. В сегменте коммунальных квартир в индивидуальных домах выделяются Боровский, Жиздринский, Малоярославецкий, Спас-Деменский районы.

Старость жилища. Прототипом жилых зданий с высоким уровнем физического износа являются *жилые объекты культурного наследия*. Они насчитывают сотни лет, подвергать их перестройке и реконструкции, модернизировать их внутреннюю отделку и внешний вид запрещает закон. Их нельзя просто снести ради очередной автостоянки или торгового центра, поэтому муниципалитеты не торопятся их расселять. Объекты культурного наследия являются носителями территориальной стигмы: позитивной (как «сакральные локусы» территориального сообщества, носители его исторической и социальной памяти (Драга, Лойко, Корнеева, 2015)) и негативной (как некомфортное жилье с несовременной, неудобной планировкой и отсутствием необходимых инженерных коммуникаций, как опасные для жильцов своим физическим состоянием, как средоточие люмпенизированных слоев (Гавриленко, 2008)). «Сакральность» места жительства не компенсирует обитателям ОКН всех многочисленных неудобств проживания в них, но соседство с ОКН (уже независимо от их жилого или нежилого статуса) несколько повышает престиж микрорайона и — крайне незначительно, но с высокой статистической значимостью — влияет на оценку жилищных условий жителями других расположенных в том же микрорайоне домов (Казакова, 2017а). По обилию памятников жилой архитектуры в составе всех ОКН Калужская область на фоне РФ перешагивает и среднее арифметическое, и медиану. Внутреннее варьирование выделяет областной центр, а среди районов также Боровский, Козельский, Людиновский, Малоярославецкий, Медынский, Мещовский и особенно Тарусский.

Кроме ОКН в данную категорию мы включаем *ветхие и аварийные дома*, которые официально числятся таковыми (т.е. принадлежат многоквартирному жилкому фонду) и таковыми не числятся (поскольку принадлежат индивидуальному

жилищному фонду), но срок эксплуатации которых превышает 50 лет, и в них не осуществлялся капитальный ремонт и модернизация инженерных систем и коммуникаций. «Общий износ жилищного фонда в целом по России превышает 60%, а в депрессивных регионах нередко достигает 85%», — признает аналитик компании «Алор Брокер» Кирилл Яковенко. «И совершенно неважно, сколько квадратных метров жилья приходится на каждого конкретного жителя, 15 или 35 кв. м, если жилплощадь для проживания непригодна», — приводит ссылку на эксперта «Независимая газета» (Соловьева, 2017). По доле ветхого и аварийного жилья в общей площади жилфонда Калужская область в числе неблагополучных регионов: эта доля превышает и среднее арифметическое, и медиану. Выше среднего для области значения этих долей в составе площади жилфонда Боровского, Кировского, Людиновского, Малоярославецкого, Медынского, Мещовского, Мосальского, Перемышльского, Тарусского, Ульяновского районов.

Второе жилье — материальная база современного номадизма. Жизнь на два дома, ведущая к транспортной усталости, частью которой является уже упоминавшийся краудинг (Разумовская, 2014), отчуждению и приватизму, характерна для дачников, отходников, жителей пригородов. Это типичная стратегия адаптации в процессе переселения в другой регион, из села в город, при работе вахтой, которая соответствует ситуации, обозначенной Т. Шманкевич (Шманкевич, 2003) как «добровольная депривация», а также копинг-стратегия депривированного по жилью городского населения, которая выступает как один из традиционных еще для дореволюционной России механизмов пригородаобразования (собственно дачничество и «зимогорство»). Географии дач в России, зафиксированной в итогах официальных статистических обследований населения, пока нет, хотя о повсеместном росте данного явления в стране свидетельствуют работы Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвиша, А. Г. Махровой, А. С. Бреславского, К. В. Григоричева, К. В. Аверкиева, представленные в недавней коллективной монографии (Нефедова, Аверкиева, Махрова, 2016). Специфика Калужской области в данном отношении определяется близостью к Москве, что давно сделало ее, во-первых, поставщиком трудовых ресурсов столице, во-вторых, зоной московской колонизации. Первое ведет к депопуляции и деградации территорий, второе — к росту классовой напряженности, приобретающей окраску территориального конфликта (ось «центр — периферия») за счет социального сравнения. В этом отношении напряженной является ситуация во всех «подмосковных» районах, но сильнее всего деградация и старение территории заметны в Тарусском районе по ряду показателей (например, наивысший в области уровень автомобилизации населения).

Проживание в **деградирующих и депопулированных поселениях** можно выделить как самостоятельную депривационную ситуацию. Например, Ю. С. Холопова (Холопова, 2013), примеряя к условиям сельских поселений одного из районов Ульяновской области разработанную Б. П. Панковым в целях

районирования и проектирования застройки сельских населенных пунктов методику оценки депрессивности каждого из них, по сути осуществляет оценку хронической коллективной жилищной депривации, вызванной территориальной изоляцией, переходящей в социальную эксклюзию. Применительно к данному типу степень изученности достаточно высока, что связано с давними традициями полевых обследований «сжатия и поляризации» сельского социального пространства в его физическом преломлении (Нефедова, 2008; Нефедова, 2009). Признаки деградации обусловлены всей совокупностью факторов дифференциации сельских поселений, которые «складываются из их ландшафтных особенностей (ресурсы, климат, плодородие почв и пр.), географического положения (близость к городам и иным экономическим центрам) и развитости коммуникаций, институциональной среды и особенностей локального социума (сила локальной идентичности, готовность к самоорганизации, наличие лидеров и пр.)» (Шелудков, Рассказов, Фарахутдинов, 2016, 12). Для универсальности сравнения территорий мы опираемся на такой, как рост транспортной изоляции, и используем показатель «Доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром гор. округа (муниц. района), в общей численности населения гор. округа (муниц. района), процент, значение показателя за год». Показатель также характеризует положение Калужской области на фоне РФ как неблагоприятное: он ниже среднего арифметического, но выше медианного для РФ значения, а в составе регионов ЦФО превышает и то, и другое вдвое. Районы с максимальными рангами по данным за 2015 г. — Баятинский, Жиздринский, Мещовский, Ульяновский. Районы, где в 2015 г. (самые поздние данные) наблюдалось не снижение, а, напротив, резкий прирост доли транспортно изолированного населения по сравнению с 2007 г. (самые ранние данные) и где высокая (30%) доля держится на одном и том же уровне, — Куйбышевский и Жиздринский. Пространства безлюдные, удаленные от центров человеческого проживания и деловой активности, изолированные транспортно, информационно, социально и (или) пространством и ландшафтом, вызывают страх независимо от качества загородного жилья. Он характерен для городских и сельских жителей, для низкообеспеченных и высокообеспеченных, хотя вторым свойственна большая уверенность в личной безопасности, основанная на большем количестве доступных «ресурсов оперативного реагирования» (в первую очередь личный транспорт). Страх усиливается, если расстояние до центра кластера сельских поселений или до города превышает 5 км, если человек проживает один и (или) не общается с соседями либо соседями в непосредственной близости (одна улица) нет, если он болен и (или) стар, если имеются дети дошкольного и младшего школьного возраста, если отсутствует личный транспорт или имеются проблемы со связью (Казакова, 2017б). Это уточняет картину пространственного распределения жилищной депривации данного типа: районы с высокой долей населенных мест без жителей или категории «А» (1–10 жителей),

расположенных в стороне от транспортных магистралей, на расстоянии не менее чем 6 км от центра кластера поселений, дополнительный признак (усиливающий выраженность типа), — расположение в лесу, изрезанный ландшафт, плохое дорожное покрытие, наличие рек с частыми паводками, перебои с электро-снабжением. Неблагоприятна ситуация в самом муниципальном образовании «Город Калуга», а также в Бабынинском, Жиздринском, Малоярославецком, Мещовском, Перемышльском, Спас-Деменском, Ульяновском, Ферзиковском, Хвастовичском муниципальных районах.

Стигматизированные территории, как и предыдущий тип (изоляция, безлюдность, удаленность от центральных мест), являются примерами групповой жилищной депривации, возникающей ввиду самого факта принадлежности к территориально-поселенческому сообществу. Мы выделяем несколько видов стигмы, каждый из которых может делиться на позитивную и негативную. Это основанная на сегрегационных процессах социальная стигма; основанная на природно-климатических особенностях и экологическом состоянии «физическая» стигма; функциональная (институциональная) стигма; «паранормальная» («сверхъестественная») стигма. В Калужской области, как показал наш анализ территориальных виртуальных групп в сети Интернет, а также экспериментальное тестирование «ментальной карты» Калужской области, наиболее отчетливую стигму «страшного места» несут на себе Ульяновский, Жиздринский и Хвастовичский районы, что в первую очередь связано с радиационным загрязнением в результате аварии на ЧАЭС. Характерно, что загрязнению подверглись девять районов Калужской области, но явно стигматизированы только три из них, что подчеркивает относительную самостоятельность данного источника депривации, обладающего символической природой. Не имея возможности достоверной оценки общего количества стигматизированных по всем четырем основаниям территорий, мы можем отметить заметный на фоне других регионов ущерб, нанесенный Калужской области аварией на ЧАЭС. По численности подвергшихся радиационному воздействию населенных пунктов Калужская область занимает позицию выше и среднего арифметического, и медианы. Если учитывать объем категорий, установленных Постановлением Правительства РФ от 8 октября 2015 г. № 1074 «Об утверждении перечня населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (Об утверждении перечня, 2015), то среди всех 14 подвергшихся воздействию регионов страны Калужская область уступает по силе этого воздействия Брянской и Тульской областям, а по его географической широте — Тульской, Орловской и Брянской, занимая, таким образом, наряду с Рязанской областью, зону умеренного неблагополучия. В относительном выражении — по доле зараженных населенных пунктов в составе всех населенных пунктов региона — Калужская область тоже не попадает в чрезвычайную зону, но приближается к ней, находясь на границе диапазона серьезной угрозы: ее

доля (9,3%) немногим ниже среднего по всем пострадавшим регионам (10%) и существенно выше медианы (4,65%).

Площадь: «дефицит» и «избыток». Наряду с очевидным источником депривации — теснотой — депривацию может вызвать и «избыток» жилья, если содержать его хозяину трудно экономически или физически. На фоне роста цен и налогов данный тип растет, особенно в сегменте многоквартирного жилфонда, на «стареющих» территориях с малым количеством мест приложения труда, с высокой иждивенческой нагрузкой на работающих, со значением средней площади на жителя выше медианы, с высокой долей домохозяйств одиночек и с высокими значениями миграционного оттока. По общей площади жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя, в ряду субъектов РФ Калужская область занимает срединное положение (и по средней арифметической, и по медиане), и в составе регионов ЦФО ее место определяется так же. Это характеризует ситуацию как в целом благополучную, но при этом наблюдается выраженное внутриобластное варьирование, с наличием сильных «выбросов» для отдельных кластеров поселений и муниципальных образований, когда речь идет о ненормальной «сверхобеспеченности» жителей. Это типично для сельских населенных мест, расположенных на территориях Жиздринского, Козельского, Спас-Деменского, Сухиничского, Ульяновского, Хвастовичского, Юхновского района (наиболее благополучные, держащиеся ближе всего к середине сельские районы — Ферзиковский, Перемышльский, Думиничский).

Исходя из выделенных типов и основываясь на общедоступных данных переписи населения 2010 г., мы получаем возможность количественно оценить минимальный (зарегистрированный официальной статистикой) объем каждой категории населения, испытывающего ту или иную форму депривации в связи с жилищными условиями, а также минимальную долю жилищно-депривированного населения области в целом. В Калужской области эта доля не меньше 12%, если основываться только на типах жилых помещений. Но она резко растет при включении социопространственной меры неравенства. В нее войдут более 15000 жителей пригородной зоны Калуги, вынужденных вести полуоседлый образ жизни и стигматизированных как региональный вариант «Замкадья», о чем мы писали в монографии 2017 г. по итогам исследования калужских пригородов (Казакова, 2017 б). Еще 349268 чел. добавит проживание в населенных пунктах численностью до 100 жителей, около 70% которых одновременно будут входить в категорию транспортно изолированных (это не увеличивает объем категории, но определяет глубину депривации). Ввиду выраженного вреда для здоровья сюда следовало бы включить всех жителей «чернобыльской зоны». Но мы считаем данный сегмент без жителей периферийных населенных пунктов, без жителей центров кластеров сельских поселений, чтобы избежать двойного, тройного и даже более учета ввиду множественного характера депривации,

которую испытывают эти жители. Подсчитывая только население районных центров и только с наибольшей в области степенью радиационного поражения (г. Жиздры, с. Ульянова, с. Хвостовичи), мы получаем объем сегмента, равный 13139 чел. Мы не учитываем временных жителей, нелегальных и легальных мигрантов, для которых Калуга начиная с 1990-х гг. имела повышенную привлекательность, не высчитываем число обитателей старого, физически изношенного, морально устаревшего жилфонда, а также доли того населения многоквартирных домов, которое размещается на площади меньше санитарной нормы. И даже в этом случае совокупная величина населения, испытывающего абсолютную жилищную депривацию, составляет не менее 483277, т.е. 47,81% всего населения области.

К сожалению, такая ситуация характерна для всей страны. Специфически «калужское» неблагополучие — это латентная бездомность; численность воспитанников детских интернатных учреждений, особенно в селах; «жилищный класс» обитателей коммунальных квартир и общежитий; старый жилфонд, включая объекты культурного наследия; миграционный, вахтовый и дачнический «номадизм» ввиду соседства столицы; деградация и изоляция сельских населенных мест; радиационное заражение и, как следствие, — стигматизация и депопуляция существенной по площади территории.

Осуществляя оценку численности жилищно-депривированного населения Калужской области, мы убеждаемся в возможности одновременного интра- и интертерриториального сравнения с использованием одних и тех же показателей, а значит, в эвристичности построенной теоретической модели.

Библиографический список

1. Бессонова, О. Э. (1993). *Жилье: рынок и раздача*. Новосибирск.
2. Бобкова, О. Н. (2016). Факторы, определяющие дифференцированный подход к проектированию доступного жилья в России. В М. И. Бальзанников, К. С. Галицков, Е. А. Ахмедова (ред.) *Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и дизайн* (с. 17–21). Самара.
3. Гавриленко, К. В. (2008). Концепция комплексного развития исторической застройки улицы Воскресенской города Калуги в современных условиях. В *Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 9*. (с. 403–420). Калуга.
4. Герасимова, Е. (2017). Жилье в советском городе: историко-социологическое исследование (Ленинград, 1918–1991). Режим доступа <http://ecsocman.hse.ru>
5. Драга, С. В., Лойко, О. Т., Корнеева, А. Ю. (2015). «Локус» социальной памяти: ресурс коллективной идентичности. *Международный научно-исследовательский журнал*, 7–4 (38), 22–23.
6. Жилищные условия населения: Публикационная таблица 1 — Население по типам занимаемых жилых помещений по субъектам Российской Федерации. Режим доступа http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612.htm

7. Казакова, А. Ю. (2017а). Объекты культурного наследия как ресурс аттрактивности пригородной зоны Калуги. *Человек. Сообщество. Управление*, (1), 64–74.
8. Казакова, А. Ю. (2017б). *Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития*. Саратов.
9. Коваленко, Е. А. (2010). Воронка бездомности и ограничение потенциальных возможностей. *Журнал исследований социальной политики*, 8 (4), 519–536.
10. Кротов, П. П., Буравой, М., Лыткина, Т. С. (2003). *Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели*. Сыктывкар.
11. Нефедова Т. Г., Аверкиева К. В., Махрова А. Г. (ред.). (2016). *Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России*. Москва.
12. Нефедова, Т. Г. (2008). Прошлое, настоящее и будущее старо-освоенных периферийных районов Нечерноземья (на примере Костромской области). *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 165–184.
13. Нефедова, Т. Г. (2009). Поляризация пространства России: ареалы роста и «Черные дыры». *ЭНСП*, 1 (44). Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/polyarizatsiya-prostranstva-rossii-arealy-rosta-i-chnyue-dyry>
14. Об утверждении перечня населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: Постановление Правительства РФ от 8 октября 2015 г. № 1074. Режим доступа <http://base.garant.ru/71216726/>
15. Покровский Н. Е. (ред.). (1989). *Лабиринты одиночества*. Москва.
16. Разумовская, Е. А. (2014). Особенности поведения участников дорожного движения в условиях краудинга. *The Way of Science. International Scientific Journal*, 8 (8), 206–208.
17. Соловьева, О. (2017, ноябрь 29). Жилищная проблема в России решилась сама собой. Нехватку квартир закрыло индивидуальное домостроительство. Независимая газета. Режим доступа http://www.ng.ru/economics/2017-11-29/4_7125_problem.html
18. Суркова, И. Ю. (2011). Социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны: юбилейная забота или помощь каждый день. *Вестник Саратовского государственного технического университета*, 1(5), 303–310.
19. Утехин, И. В. (2004). *Очерки коммунального быта*. Москва.
20. Холопова, Ю. С. (2013). Оценка территориальной остроты ситуации сельских поселений. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 3, 2511–2515. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2013/53505.htm>.
21. Шелудков, А. В., Рассказов, С. В., Фарахутдинов, Ш. Ф. (2016). *Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть*. Москва.
22. Шманкевич, Т. Ю. (2003). На краю города: от различий к сегрегации. *Вестник Евразии*, 4, 185–206.
23. Aiello, J. R., Jones, S. E. (1971). Field Study of Proxemic Behavior of Young Children in Three Subcultural Groups. *Journal of personality and social psychology*, 19, 351–356.

Статья поступила в редакцию 21.11.2017.

THE EMPIRICAL TYPES OF HOUSING DEPRIVATION:
EVALUATION OF INTRA- AND INTER-REGIONAL VARIATION
(AS EXEMPLIFIED BY KALUGA REGION)

Kazakova A. Y.

Kazakova Anna Yuryevna, Kaluga state University named after K. E. Tsiolkovsky, 48023,
Russia, Kaluga, Stepana Razina Str., 26.
E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

The theme of housing deprivation in contemporary sociology is almost entirely lacking, and attempts to build a typology of causing deprivation conditions are just rare. In this article we try to highlight those forms of living conditions that make it impossible to meet objectively housing needs regardless of their assessment by population. On the basis of data of census 2010 according to RF regions and municipalities inside the regions, we allocated the amount of several empirical types of deprivation in housing situations that allow to clearly identify the social composition of those experiencing the most acute and urgent need of housing, whose the housing-associated needs in different ways (not just economic) reasons, stay suppressed for a long time. These include: explicit and latent homelessness; living in institutional housing as a part of collective households; the coexistence of private households in conditions of communal apartments and dormitories; life in dilapidated and unsafe buildings and houses belonging to objects of cultural heritage; “voluntary deprivation” that occurs in conditions of semi-nomadic way of life “in two houses”; mass deprivation of entire villages due to their degradation, depopulation and stigma; finally, the living area deficit and Vice versa, the excess of the square. We not only do evaluate the size of the segments of the housing depriving of Kaluga region population. The share of those segments as a part of total population is so small that they are usually stay invisible to researchers as a kind of “particular”, “emissions”, “error”, which can be neglected without any violation of the representation of the picture. On the material of Kaluga region, we also estimate a structural ratio of these segments in terms of intra and inter — regional variation to identify the degree of housing impact due to social tensions in the region.

Keywords: deprivation, needs, housing deprivation, types of depriving situations, the scale of housing deprivation.

References

1. Aiello, J. R., Jones, S. E. (1971). Field Study of Proxemic Behavior of Young Children in Three Subcultural Groups. *Journal of Personality and Social Psychology*, 19, 351–356.
2. Bessonova, O. E. (1993). *Zhile: ryinok i razdacha* [Housing: The Market and Distribution]. Novosibirsk.
3. Bobkova, O. N. (2016). Faktoryi, opredelyayuschie differentsirovannyiy podhod k proektirovaniyu dostupnogo zhilya v Rossii [The determinants of a differentiated approach to the design of affordable housing in Russia]. In M. I. Balzannikov, K. S. Galitskov, E. A. Ahmedova, (Eds.) *Traditsii i innovatsii v stroitelstve i arhitekture. Arhitektura i dizayn* [Tradition and innovation in construction and architecture. Architecture and design] (pp.17–21). Samara.
4. Draga, S. V., Loyko, O. T. & Korneeva, A. Yu. (2015). “Lokus” sotsialnoy pamyati: resurs kollektivnoy identichnosti [Place of Social Memory: Resource of Collective Identity]. *Mezhdunarodnyiy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International research magazine], 7–4 (38), 22–23.

5. Gavrilenko, K. V. (2008). Kontseptsiya kompleksnogo razvitiya istoricheskoy zastroyki ulitsy Voskresenskoj goroda Kalugi v sovremennyih usloviyah [Conception of complex development of historical building of Voskresenskaya street of Kaluga City in modern terms]. In *Trudy regionalnogo konkursa nauchnykh proektov v oblasti gumanitarnykh nauk. Vyip. 9* [Labours of regional competition of scientific projects in area of humanity sciences] (pp. 403–420). Kaluga.
6. Gerasimova, E. Zhile v sovetskom gorode: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie (Leningrad, 1918–1991) [Dwelling in Soviet City: Historical and Sociological research (Leningrad, 1918–1991)] Retrieved from <http://ecsocman.hse.ru>
7. Holopova, Yu. S. (2013). Otsenka territorialnoy ostroty situatsii selskih poseleniy [Estimation of Territorial Sharpness of Situation of Rural Settlements]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyy zhurnal "Kontsept"* [Scientifically-methodical electronic magazine "A Concept"], 3, 2511–2515. Retrieved from <http://e-koncept.ru/2013/53505.htm>
8. Kazakova, A. Yu. (2017a). Ob'ekty kulturnogo naslediya kak resurs attraktivnosti prigorodnoy zony Kalugi [Objects of cultural heritage as resource of attractiveness of suburban zone of Kaluga]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (1), 64–74.
9. Kazakova, A. Yu. (2017b). Prigorodnyy obraz zhizni v sovremennoy rossiyskoj provintsii. *Sotsialnaya baza, problemy i perspektivy razvitiya* [A suburban way of life is in the modern Russian province. Social base, problems and prospects of development]. Saratov.
10. Kovalenko, E. A. (2010). Voronka bezdomnosti i ogranichenie potentsialnykh vozmozhnostey [Crater of homelessness and limitation of potential possibilities]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Magazine of Researches of Social Politics], 8 (4), 519–536.
11. Krotov, P. P., Buravoy, M. & Lyitkina, T. S. (2003). *Zhilischnaya stratifikatsiya goroda: ryinohnaya evolyutsiya sovetskoy modeli* [Housing stratification of city: market evolution of soviet model]. Syktyivkar.
12. Nefedova T. G., Averkieva K. V. & Mahrova A. G. (Eds.). (2016). *Mezhdum domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between a house... and by a house. Recurrent Spatial Mobility of Population of Russia]. Moscow.
13. Nefedova, T. G. (2008). Proshloe, nastoyashee i budushee staro-osvoennykh periferiynykh rayonov Nechernozemya (na primere Kostromskoy oblasti) [The past, present and future of the old-mastered peripheral districts of Nechernozemye (on the example of the Kostroma region)]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Questions of state and municipal administration], (1), 165–184.
14. Nefedova, T. G. (2009). Polarizatsiya prostranstva Rossii: arealy rosta i "Chernye dyry" [Polarization of Space of Russia: Natural Habitats of Height and "Black Holes"]. *ENSR*, 1 (44). Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/polyarizatsiya-prostranstva-rossii-arealy-rosta-i-chernye-dyry>
15. Ob utverzhdenii perechnya naselennykh punktov, nahodyaschihsya v granitsah zon radioaktivnogo zagryazneniya vsledstvie katastrofy na Chernobyil'skoy AES: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 8 oktyabrya 2015 g. № 1074 [About Claim of List of Settlements Being Within Bounds of Zones of Radiocontaminant Because of Catastrophe on Chornobyl AEC: Decision of Government Russian Federation from October, 8, 2015 No 1074]. Retrieved from <http://base.garant.ru/71216726>
16. Pokrovskiy N. E. (Ed.). (1989). *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of Loneliness]. Moscow.

17. Razumovskaya, E. A. (2014). Osobennosti povedeniya uchastnikov dorozhnogo dvizheniya v usloviyah kraudinga [Features of Behavior of Participants of Travelling Motion in The Conditions of Crowding]. *The Way of Science. International scientific journal*, 8 (8), 206–208.
18. Sheludkov, A. V., Rasskazov, S. V. & Farahutdinov, Sh. F. (2016). *Selskie munitsipaliteti yuga Tyumenskoy oblasti: prostranstvo, statistika, vlast* [Rural Municipalities of South of the Tyumen Area: Space, Statistics, Power]. Moscow.
19. Shmankevich, T. Yu. (2003). Na krayu goroda: ot razlichiy k segregatsii [On The Edge of Town: From Distinctions to The Segregation]. *Vestnik Evrazii* [Announcer of Eurasia], 4, 185–206.
20. Soloveva, O (2017, November 29). Zhilishchnaya problema v Rossii reshilas sama soboy. Nehvatku kvartir zakryilo individualnoe domostroitelstvo [A Housing Problem in Russia Decided by Itself. The Shortage of Apartments Was Closed by an Individual House-Building]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper]. Retrieved from http://www.ng.ru/economics/2017-11-29/4_7125_problem.html
21. Surkova, I. Yu. (2011). Sotsialnaya zaschita veteranov Velikoy Otechestvennoy voyni: yubileynaya zabota ili pomosch kazhdyiy den [Social defence of veterans of Great Patriotic war: anniversary caring or help every day]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta* [Announcer of the Saratov State Technical University], 1 (5), 303–310.
22. Utehin, I. V. (2004). *Ocherki kommunalnogo byita* [Sketches of Communal Life]. Moscow.
23. Zhilishchnyye usloviya naseleniya: Publikatsionnaya tablitsa 1 — Naselenie po tipam zanimаемых жилых помещений по субъектам Российской Федерации [Housing terms of population: The Publication table 1 is Population on the types of the occupied dwellings apartments on the subjects of Russian Federation]. Retrieved from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm